

відсіч. Привезли свіжу артилерію. Нарешті у вівторок 3. квітня 1918 р. рано в 7 год. появилися над Глуховом німецькі аеропляни, котрі скинули кілька бомб з літаків і зачали довкола Глухова літати. Большевики стали обстрілювати німецькі літаки. На них звернула вогонь і большевицька артилерія. Тимчасом з полуднево-східної вулиці міста Глухова показалися українські козаки і гайдамаки, а з полуднево-західної вулиці влетіли нагло до міста німецькі броніровані авта, а за ними німецькі гузари [гусари] смерти. На большевиків напав смертельний страх і паніка. Чути було все один крик: «Товариші, спасайтесь!» Почалась кривава месть нашого козацтва. Німці і козаки рубали і стріляли всіх, котрі утікали вулицями в напрямі на Есмань і Студенок. То тут, то там доганяли купки большевиків і безпардонно з ними розправлялися. Часть большевиків утекла в напрямі Михайлівського Хутора, а часть погинула від козацьких і німецьких куль і шабель. До міста приїхало більше війська. Всяду було чути: «Слава Україні». Українські козаки поскидали червоні большевицькі прапори, а вивісили українські жовто-блакитні з написами: «Хай живе вільна Україна». Вкінці над'їхав ударний гайдамацький курінь смерти з українським прапором, на котрім пишався золототканими буквами напис: «Умрем за Україну». Над'їхало друге розвідче авто з написом: «Смерть ворогам України» з трупячою голівкою на верху. Не всілі описати того вражіння і того памятного часу, як усі тішилися, що вирвалися зі страшних рук душоубів. Коли ви бачили ту картину, як вилазили з нор ще не побиті большевиками жиди і як вони благословили наші і німецькі війська. Як вони дякували українцям, що їх спасли з большевицьких рук і як вони плачучи розказували про страшні часи смерти своїх дорогих родин. Я тоді ніколи не подумав би був, що прийде час, коли жиди підуть на службу большевикам, а українців будуть опльовувати перед світом. Ніколи і ще раз ніколи!! Вони сами хотіли служити двом богам, катам чужої кривди і випили пізніше гірку чашу за свої гріхи.

Такі були часи Глухова і його околиць в початках революції. Коли Глухів був в руках українців, українське правительство оголошувало, що дня на мурах міста жертви погібших жидів і українців, правительство назначило запомогу для нещасних жидівських живих родин і дуже щиро ними заопікувалося. В місті настало нове життя; селяни привезли на ринок повно хліба, не було тільки жидівських крамниць, бо підпали страшному знищенню. Потім настала гетьманщина і ще багато і багато полялося крові московської і української, але за гетьмана я виїхав вже до Київа, а далі до Галичини; пізніші події запише мабуть дальша воєнна історія.

Життя і знання. Львів, 1930. Травень. Ч. 8 (32). С. 229-233.

*Шпилев А.Г.
Курский государственный областной
музей археологии (Россия)*

РЕВОЛЮЦИОННО-ПОВСТАНЧЕСКАЯ АРМИЯ УКРАИНЫ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ (РЕЙД Н.И.МАХНО 21- 27 января 1921 г.)

После разгрома Белого движения главной задачей большевиков стало уничтожение вооруженных формирований, появившихся в различных губерниях бывшей Российской империи в годы Гражданской войны.

Численность отрядов, их организация и снаряжение, способности и авторитет руководителей определяли полноту власти и размер территории, на которую власть этих отрядов распространялась (от одной-двух деревень до нескольких губерний). Нередко большевики использовали такие формирования в своих военных операциях против Белой Армии, но всегда рассматривали их в качестве временных союзников, которые или должны быть расформированы с последующим вступлением их членов в ряды Красной Армии, или же полностью уничтожены.

Наиболее показательна в этом плане судьба возглавляемой Нестором Ивановичем Махно¹ Революционно-Повстанческой Армии Украины, части которой приняли активное участие в завершающих сражениях Гражданской войны, штурме Перекопского перешейка, форсировании Сиваша и захвате Крымского полуострова. Однако сразу же после разгрома Врангеля командующий войсками Южного фронта М.В.Фрунзе в конце ноября 1920 г. начинает широкомасштабную войсковую операцию, целью которой было прижать отряды махновцев к Азовскому морю и беспощадно уничтожить [1, 509]. Но этот план провалился. Повстанцы сумели прорвать кольцо окружения и, покинув являвшуюся центром махновщины Екатеринославскую губернию, в поисках союзников и продовольствия двинулись на юго-запад Украины.

22 декабря 1920 г. отряды Н.И.Махно переправились по льду на правый берег Днепра, с боями прошли Киевщину, но затем повернули назад, 7 января 1921 г. ещё раз перешли Днепр и направились в сторону Полтавской губернии.

Состоявший из 3000 сабель, 300-350 посаженных на тачанки пехотинцев, имеющий свыше 60 пулеметов и 8 орудий отряд Махно

1. Махно Нестор Иванович (1889–1934) родился в семье крестьянина с. Гуляйполе Екатеринославской губ. (совр. Украина). С 1905 г. участвует в революционных «экспроприаторских» налетах. В 1908 г. приговорен к пожизненной каторге, до марта 1917 г. отбывал срок в Бутырской тюрьме (Москва). После возвращения домой организует повстанческий отряд, который вскоре превращается в Революционно-Повстанческую армию Украины.

«смело и уверенно шел по направлению к Полтаве, пользуясь великолепно налаженной своей разведкой и агентурой, стремительностью своего движения и слабой связью, иногда почти полным её отсутствием в красноармейских частях. Он не разбрасывал своих сил – катился лавиной без дорог, балками, перелесками, хуторами, берег свои силы, не ввязывался попусту в бой и лишь стремился обновить целиком свой конский состав, обоз, пополнял запасы всякого рода и даже не митинговал, как это было в Екатеринославщине» [7, 105].

Для эффективного преследования махновцев командованием войск Украины из Сводной Заволжской бригады, 1-го кавполка 8-й дивизии ВСУ и 3-й отдельной Запавбригады был сформирован «летучий» корпус, состоящий из 1800 штыков, 1100 сабель, 70 пулеметов и 12 трехдюймовых полевых орудий. Командиром корпуса был назначен В.С.Нестерович, которому телеграммой штавойск Укра № 056 (сек) 186/оп. М.В.Фрунзе предоставлял, «после того как он вцепится в противника, полную свободу действий, как самостоятельному отряду, руководствоваться лишь одной целью полного уничтожения банды везде, куда бы она ни пыталась укрыться» [7, 106].

Однако поспешность, с которой был организован корпус, привела к тому, что в его состав вошли разнородные и ранее не взаимодействовавшие друг с другом части с различным укладом и традициями. Согласно М.Рыбакову, «в одних господствовала «партизанщина» со всеми её аксессуарами, вплоть до сильного желания «побрахлить» в ущерб боевым задачам, и своеобразное понимание боевой дисциплины, якобы «царского пошиба». В других было довольно значительно развито регулярное начало, упорное желание довести до конца боевую задачу прежде всего, безотказное выполнение приказаний, несмотря ни на что, и действительное сознание необходимости борьбы с бандой Махно. Сгладить эту несогласованность качеств, подобрать соответствующий комсостав и политработников не было теперь времени, почему количество сил летучего корпуса не могло иметь большого значения и тяжесть всей операции должна была лечь только на вполне дисциплинированное ядро корпуса, которое равнялось приблизительно половине числа бойцов; главным образом, его составляли заволжские стрелки» [7, 106]. Ещё одной отрицательной стороной операции было то, что «ставя уничтожение противника в зависимость от преследующего, сзади идущего отряда, который мог и не поспеть или же быстро выдохнуться, – командование предопределяло, чисто догматически, условия, благоприятные для решения этой задачи, или же считало противника более пассивным... В результате корпус был предоставлен только своим силам и не было выставлено ни одного лобового

заслона банде, уходящей из-под удара корпуса... все красноармейские части, до сего времени преследующие Махно или выставленные на его пути, остались сзади и никакого влияния на операцию оказать не могли. Месторасположение же других частей было неизвестно» [7, 108].

Первые серьезные столкновения с махновцами выявили непригодность ряда частей корпуса к скоординированным действиям, а также подавляющее превосходство махновской кавалерии. Конница повстанцев «вела бой при сильной пулеметной поддержке компактными массами, которые и двигались, и наносили удар все вместе, единым, слитым и организованным телом, члены которого целесообразно выполняли свои функции. Если нужно было – они спешили и вели огневой бой пешими цепями в виде почти ломанной, прерывистой линии с большими интервалами, всегда поддерживаемые своей конницей. Строгая согласованность действий, решительность и умелое маневрирование при постоянном учете всей боевой обстановки, в особенности, умение использовать оплошность или ошибки своего противника – были характерным явлением для тактики Махно. Любовь бандитов к окружению, постоянное желание сжать противника, отвлекая его внимание от своих главных, настороженных где-либо скрытно кулаков, заставило наше командование применить более глубокие боевые порядки, чтобы всегда иметь возможность из глубины отразить врага. Широкие порядки легко прорывались, разрезывались густыми стремительными колоннами Махно и затем легко разбивались по частям, но не отрядами, непосредственно оглушающими сразу красноармейские части, а всегда бойцами из резерва, который строился у него во флангообразные массы из отборнейших конников... Действия махновцев отличались своей сюрпризностью, своеобразной подлинной партизанской прихотливостью, предусмотреть которую не было возможности. Наша же кавалерия... не умела вести боя в спешном порядке; сплошь да рядом, в критическую минуту, она была пустым местом. Она терялась, находясь под постоянным гипнозом скачущего всадника с шашкой (а махновцы действительно были отличными рубаки, особенно из «Чертовой сотни» [особая группа имени батьки Махно, насчитывала 250-300 сабель – А.Ш.], где виртуозность владения шашкой доходила до того, что одним ударом разрубалась голова, шея и полтуловища, или полголовы скашивалось так точно, как будто резали арбуз). Она не могла расстаться со своими лошадьми, полагаясь лишь на силу и быстроту их ног... привыкшая «партизанить» и ... убежать от противника, ни разу не принимая его атак... Кавалерию можно было использовать лишь для наблюдения задвигающимся противником и других мелких боевых задач, но всегда вблизи

расположенной от нее пехоты» [7, 116-117]. В отличие от кавалерии, пехотинцы летучего корпуса произвели на махновцев совсем другое впечатление. Особенно поразили повстанцев заволжские стрелки в бою за г. Недригайлов (Сумская губ.), в полный рост с винтовками на перевес и криками «ура» контратаковавшие скачущих махновцев. Пленные потом показывали на допросах: «Никогда не было, чтобы против нас так дралась пехота, это первая, которая бьет наших и дурум лезет вперед, нисколько не боясь шашки скачущего всадника... Это какая-то черная² танка [танк – А.Ш.]» [7, 113].

За две недели, маневрируя и отрываясь от противника, махновцы прошли Полтавщину и Сумщину, а вечером 20 января вплотную приблизились к границе Курской губернии и расположились на ночлег в с.Юнаковке, находившейся всего в 18 верстах к юго-западу от курского уездного города Суджи.

На рассвете 21 января к южной окраине села подошли заволжские стрелки, которые должны были встретить махновцев, выбитых из населённого пункта кавалерией корпуса. В полном соответствии с приказом заволжцы охватили Юнаковку с южной стороны и, вытянув свой правый фланг (конная разведка полка при 4 пулеметах и две роты 1-го батальона с 12 пулеметами) почти к западной окраине села, перекрыли дорогу на м.Мирополье (Курская губ.). Однако из-за начавшегося бурана ни кавалерия, ни артиллерия не сумели подойти вовремя, вследствие чего стрелки были вынуждены атаковать Юнаковку в одиночку. В 9 часов утра, после короткого боя, Юнаковка была занята, а выбитые махновцы сначала пытались прорваться в сторону Мирополя, но встретив сопротивление 1-го батальона, отошли на север. Сделав большой полукруг в 12-15 верст, они свернули на восток и без дороги ушли в сторону находившегося в 8 верстах южнее Суджи с.Рождественского [7, 119].

Первым населенным пунктом, захваченным махновцами на территории Курской губернии, стало с.Гуево Замостянской волости (совр. Суджанский р-н), в котором повстанцы «... забрали у крестьян около 50 лошадей годных, а взамен даны лошади совсем не годные» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 577, л. 39].

Несмотря на принятые меры предосторожности, пострадал и Гуевский совхоз: «Под 21 ч. ночью была сделана связь дозора с Мирополем тов. М.Г.Степановым и Чупруненко А. в 2 часа ночи послана разведка в Белгородский монастырь тов. Савченко и к Юнаковке послан тов. Подольский; в виду сильной метели и плохой одежды

2. «Черными» заволжцы назывались махновцами потому, что их отличительным знаком были черные каракулевые шапки – боевой подарок от Московского Совета, привезенный на Южный фронт Л.Каменевым в 1920 г.

возвратились. В 11 ч. дня отдано распоряжение запрячь лошадь для дальнейшей разведки. После раздавшегося пушечного выстрела по направлению Юнаковки дано распоряжение эвакуировать скот на Суджу. После распоряжения через минуту совхоз был окружен бандитами ... ворвавшейся бандой со всех сторон забраны лошади племенные и рабочие в количестве 33 шт. из них племенных 24 шт. и рабочих 9 шт. На место забранных оставлено 8 шт. итого в наличие имеются в совхозе 18 шт. лошадей, коровы в целости, свиньи тоже. Ограблена касса совхоза в сумме 118 183 р. 33 коп. Контора ограблена, двери взломаны, бумаги перепутаны. В амбаре взломан замок и взято неопределенное кол-во овса, ... 7 комплектов упряжи, двое санок, розвальни и часть сена... По возвращении из Мирополя убит [во дворе совхоза – А.Ш.] гражданин тов. Кирюхин Иван Венедиктович [помощник начальника милиции 1-го района – А.Ш.], забрали с собой бандиты зав. зерноочистительным пунктом от продкома тов. Панкратова [позднее застрелен – А.Ш.], ограбили зав. конным заводом тов. Чусикова, оставлен нагим и счетовод Долгая» [ГАКО, ф. Р-717, оп. 1, д. 21, л. 298]. При налёте на Гуевский винокурный завод погибло два охранявших его милиционера, «из коих т.Козельскому [Прокопию Николаевичу – А.Ш.] отрублена борода, перерублено горло и проколот шашкой насквозь живот, а т.Кондрашев застрелен» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 577, л. 39].

К 14 часам 21 января оперативная обстановка в Суджанском уезде представлялось Курскому губвоенкому Мазурову следующим образом: «По донесению нач. отряда – Суджанского уездвоенкома Богачева банда махновцев силою около 200 сабель оперирует в р-не Юнаковка, что в 18 в. ю-з Суджи. К бандитам присоединяются местные крестьяне. Для усиления Суджанского гарнизона мною посланы: из Льгова 50 штыков и оттуда же высылается рота. Из Курска из 119 батальона ВНУС высылается рота в 150 штыков при 2 пулеметах. Нач. отряда – Суджанскому уездвоенкому Богачеву приказано организовать при себе оперативный штаб и немедленно, прикрывая Суджу, повести усиленную разведку на Юнаковку, а по выяснении обстановки захватить и уничтожить бандитов. Рильскому уездвоенкому приказано сосредоточить у ст.Коренево ... резерв из частей войск Рильского гарнизона» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 577, л. 11].

Однако ситуация оказалась гораздо серьезней, чем предполагали курские военные. Вместо небольшой группы в 200 сабель на территорию губернии прорвалась вся Повстанческая Армия во главе с легендарным «батькой». Во второй половине следующего дня в Курске были получены уточненные данные о численности махновцев. Курский губвоенком Мазуров сообщал замначопервойск Украины Михайлову в Харьков:

«Сов.секретно. По сведениям, полученным от Начкорпуса Нестеровича, банды Махно 22 около 15 часов находились у д.Верхопенье, что в 30 верстах южнее Обояни. Численность бандитов по сведениям, полученным от перебежчика, около 2-3 тыс. преимущественно на лошадях при 35 пулеметах систем Максим, 2 Льюиса при одном орудии. Снарядов и патронов очень мало, вооружено из всей группы около 300 человек винтовками разных систем, а остальные саблями. Всей группой руководит по непроверенным сведениям сам Махно. Группа эта называется Тарановская и делится на два отряда. Один из них состоит из 1 кавполка, азовской группы и 2-го Крымского полка, численность не известна. Командует этим отрядом какой-то бандит Харлашко³, и другой отряд состоит из 3-х⁴ кавалеристов Киевского полка без седел и вооружения. Кто ими командует – неизвестно... На участке вверенной мне губернии для противодействия бандам расположены наши войска: в Судже 2 роты и 280 штыков при 2-х пулеметах и 10 кавалеристов, в Обояни рота и 70 штыков, в Белгороде 1200 штыков при 2-х батареях и 5 пулеметах. Из Белгородского гарнизона 400 штыков при 4 пулеметах и 2 орудиях занимают линию Драгунское – Быковка – Гостище в 19-20 верстах с-з Белгорода... Всем нашим частям дана задача оказывать поддержку корпусу т.Нестеровича захватить и уничтожить банду» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 3, д. 577, л.16].

Было прикрыто и Курское направление. Командир Курского отдельного продовольственного батальона П.И.Подцуев впоследствии вспоминал, что «ровно в 12 часов ночи на мою квартиру прибыл из штаба полка вестовой кавалерист, который передал мне секретный пакет с сообщением, что в 8 часов утра на город Курск должен наступать бандит Махно, отряд его имеет 500 сабель с пулеметами. Мне надлежало немедленно выступить в направлении Медвенки и, отойдя от нее на 5 километров, разбить батальон в цепи и ожидать появления Махно. Просидев в ожидании двое суток, мы узнали, что банда Махно повернула по направлению к станции Ржава» [ГАКО, ф. Р-3139, оп. 8, д. 7, л. 45 об.].

Сообщения о появлении в Курской губернии махновских отрядов вызвало серьезную обеспокоенность команд войска Орловского округа Скудре. 22 января в 21 час 25 минут он направляет в Курск телеграмму: «Секретно Спешно Курск Губисполком Копия Губвоенком Копия комбригу 9-й ВНУС Рябинину Появляющиеся банды губернии требуют принятия решительных мер борьбы

3. Харлампий Обший. Крымский татарин. В 1907-1908 гг. анархо-террорист (известен в Крыму под псевдонимом «Красная шапочка»), в мае 1919 г. примкнул к Н.И. Махно. Командир кавалерийского Крымского полка, составленного из крымских татар. Убит в бою под ст. Барвенко в апреле 1921 г.

4. Так в документе.

объединения в одних руках всех войск губернии силу постановления ВЦИК от 30 августа истекшего года. Командование всеми вооруженными силами губернии должно быть возложено на комбрига 9 тов Рябинина. Просьба спешно сообщить, не встречается ли препятствий» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 3, д. 8, л. 35-35 об.].

Впрочем, сил расквартированных в Курской губернии подразделений хватило лишь на то, чтобы обеспечить прикрытие крупных уездных центров в южных и западных районах края. Это тут же почувствовали и махновцы. Согласно свидетельству В.Ф.Белаша⁵, «войдя в Курскую губернию, повстанцы легко вздохнули, так как большевистских войск здесь было несравненно меньше, чем на Украине, что давало возможность привести себя в порядок и отдохнуть» [1, 537].

Вероятно, сочтя штурм Суджи нецелесообразным, отряды махновцев в районе ст.Псол перешли через железную дорогу, форсировали р.Псел, после чего двинулась на Плехово (отобрано 3 лошади, 174 пудов хлеба, в том числе 130 п. собранных по продразверстке, убит член сельисполкома Ф.М.Пронякин), прошли Борки (отобрано 32 лошади, 18 овец, 5 свиней, 5 саней, собранные по продразверстке 283 пуда хлеба), Спальное (отобрано 15 лошадей, 10 саней, 138 пудов сена, 357 пудов хлеба, из которых 212 пудов собранных по продразверстке), Крупец (забрано 3 лошади, убит С.Н.Пыльский; при разграблении Крупецкой мельницы убит зав. мельницы П.А.Зорин, раздеты контролер В.Н.Витокин (?), служащие И.И.Зикаев, Бурдо) и через Песчаное направились в сторону слободы Белая.

В 2001 г. научным сотрудником Курского музея археологии С.А.Ермаковой в с.Камышное (Беловский р-н) были записаны рассказы очевидцев махновского рейда Ф.И.Подшиваловой (1903 года рождения), В.И.Шевердина (1912 года рождения) и В.В.Вертаковой (1910 года рождения): «Махновцы появились у нас в январе, проходили через наше село, отступая на Мирополье, тянулись почти целый день. Впереди двигалась колонна примерно в сотню человек, по три в ряд. Все были одеты в черную форму (черные штаны, сапоги, полушубки, шапки), в голове колоны везли два черных знамени. Знамена были свернуты, но не зачехлены. Первое украшали махры типа аксельбанта, второе с какой-то вышивкой. Всадники отряда выглядели устало, но сытно, были вооружены винтовками и саблями, сидели на хороших лошадях. Они угощали местных детей сахаром, торбы с которым висели у них перед седлами, обещали дать еще больше, если кто-нибудь укажет на хозяев, имеющих хороших лошадей. За

5. Белаш В.Ф. – начальник штаба и зам. председателя Совета Революционной Повстанческой Армии Украины, воспоминания которого легли в основу написанной его сыном книги «Дороги Нестора Махно».

этой сотней двигалась основная часть махновцев вперемешку с обозами. Одеты были более разномастно, чем передовой отряд, но основная масса также носила черную форму. Снаряжены были также похуже, а у лошадей, на которых они сидели, торчали ребра. Проходя по селу, новоприбывшие на пути своего следования подпаливали хаты, но особо не грабили. Местные жители появление махновцев встретили без особого восторга. Прятались сами, прятали имущество и особенно лошадей. Боялись оказать помощь или просто выразить сочувствие».

Но так встречали махновцев не везде. Сообщения с мест говорят о том, что реакция местного населения на появление повстанцев, как правило, была скорее нейтральной или даже положительной, а в ряде мест (например, Суджанский уезд) даже фиксировалось вступление местных жителей в их отряды. Наиболее ярко причины такого отношения освещает сводка, направленная в Курский губернский отдел управления из Корочи: «Настроение населения в январе месяце подавленное в связи с проведением продовольственной разверстки; отношение населения к мероприятиям Советской власти, а также к местным органам неудовлетворительное, т.к. крестьяне ввиду неурожая как хлебов, так равно и корнеплодов, испытывают голод... Стало очевидным пристрастное отношение большинства населения к порядкам, проводимых бандами Махно. Можно отметить такое явление, что Махно де разрешает свободную торговлю, вследствие чего можно достать соли, смазочных веществ и все предметы, без которых крестьянину не обойтись, тогда как Советская власть все время обещает, но до сего времени ничего не дает» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 3, д. 8, л. 58].

В полдень 21 января махновцы вступили в слободу Белую. Один из первых беловских комсомольцев А.Ломакин хорошо запомнил этот момент: «Мы, мальчишки, придя со школы, катались в это время на коньках у моста через реку Илѣк. На дороге из села Песчаное появился небольшой отряд верховых. На груди у солдат были кумачовые банты. Красные, подумали мы. Несколько человек отделились от отряда и направили своих коней к нам. «Эй, вы, пацаны! Какая власть у вас в селе?». «Советская, известно», – отвечали мы. Тогда они бросили нам несколько горстей пилѣного сахара в грудках и уехали. Мы же, конечно, подрались за этот сахар. Через некоторое время на шоссе Песчаное – Белое появилась целая колонна конников, обоз тяжело гружёных саней...» [5].

По свидетельству беловского краеведа Н.Комягина, нападение произошло в то время, когда все учреждения волости были закрыты, и служащие ушли на обеденный перерыв: «Первым делом махновцы налетели на милицию. Они сорвали замки, забрали имущество, три лучших лошади с упряжкой, фураж и продукты питания, а находившегося в

это время на дежурстве помощника нач. милиции Лаптина тут же расстреляли. Милиционер Найдѣнов, стоявший на посту, понял, что пришельцы – враги, выхватил пистолет и начал стрелять. Ему удалось уложить двух махновцев. Но его схватили. Раздели до нательного белья, вывезли на площадь и стали водить по снегу. И тут произошло невероятное. Найдѣнов изловчился и перепрыгнул через забор. Бандиты бросились вдогонку, но его уже и след простыл» [4]. Во время осмотра здания милиции махновцы обнаружили пять арестованных за кражу цыган, «которые указали им квартиру начальника милиции Чаленко. Бандиты ограбили квартиру [лошадь, шуба, 12 000 рублей – А.Ш.], издевались над женой. Чаленко же, схватив печать и секретную переписку, сумел уйти и скрыться» [4].

В 4 часа дня в Белую прибыли основные силы Повстанческой Армии во главе с самим знаменитым «батькой». Грабежи и убийства вспыхнули с новой силой. Махновцы громили партийные и советские учреждения, изымали казенные деньги, жгли переписку, дела, учетные книги и наряды. Были разграблены и собранные в слободе запасы продовольствия: «Начался грабѣж складов волпродкома, магазинов потребкооперации, частных лавок. Бандиты из винтовок стреляли в замки, разворачивали их клинками и открывали двери. Малосознательные жители слободы Белой, да и близлежащих сѣл, тащили зерно, мясо, мѣд, сахар, сливочное и растительное масло и другие продукты, которые здесь были заготовлены для Красной Армии и рабочих промышленных центров» [5]. Живые подробности погрома складов сохранились у очевидца тех событий А.Жукова: «Наша семья жила тогда на базарной площади, квартира находилась недалеко от магазинов, которые стояли в два ряда. Раздались выстрелы. Я стоял у калитки и видел, как махновцы сбивали замки и раскрывали двери складов. «Берите, что кому нужно, – говорили они людям, собравшимся здесь. – Это вам батько Махно дарит»... Откуда-то взялись цыгане на паре лошадей. Они вытаскивали мешки с сахаром, туши мяса, круги сливочного масла и всё это грузили на сани. А кулак Прохор Кривенко, запыхавшись, прибежал домой и с ходу закричал на сынов: «Гришка, прячь скорей лошадей и новые сани, а то Махно заберѣт! Ты же, Фрол, беги на базар. Там магазины грабят. Может, что и достанешь. Да мешок возьми, сахар несут» [5].

Не избежали внимания повстанцев и Беловская больница (у врача В.П.Меньшикова отобрали лошадь и бельѣ, у фельдшерниц А.Тапагиной и Г.Щадиловой – одежда, валенки и брюки) с местным детским садом (у заведующей А.И.Николаевской отобрали 1000 руб., забраны накидки и простыни) [ГАКО, ф. Р-717, оп. 1, д. 21, л. 295-296].

Согласно составленному Суджанским УИКом

«Списку лиц, пострадавших от банд Махно», большинство беловских грабежей носило «адресный» характер и их жертвами обычно становились сотрудники советских учреждений или представители власти: председатель и члены волысполкома, сотрудники военкомата, милиционеры, агроном уземотдела, сотрудники заготконторы, заведующий волотдела Наробраза, делопроизводители и т.д. Как правило, нанесенный повстанцами ущерб ограничивался отобранной одеждой, бельем и обувью, иногда лошадьми, очень редко деньгами и украшениями (кольца) [ГАКО, ф. Р-717, оп. 1, д. 21, л. 295-296 об].

Часть попавших в руки махновцев активистов и совслужащих была убита, причём расправе над ними Н.И.Махно придавал характер настоящего суда: «У здания волостного совета...на большом столе стоял стул. На нём в белом полушубке сидел Нестор Махно. К нему подводили людей, которые были захвачены за работой в волостных учреждениях, докладывали об их принадлежности к Советской власти, а он молча взмахивал стеклом... Это был знак – в расход» [5].

По рассказам очевидцев можно восстановить обстоятельства гибели некоторых из жертв махновского набега: «На площади у Николаевской церкви обучался отряд молодежи. Пять махновцев, подъехав верхом к инструктору Курского полка Лактионову, потребовали от него документы. Не подозревая, кто перед ним, инструктор протянул удостоверение и был тут же зарублен саблей. Красноармеец Пётр Михайлович Петров, служивший на бронепоезде №9, заехал домой в отпуск на пять дней. Возвращаясь от друга, был схвачен махновцами. Пётр Михайлович попросил их разрешить попрощаться с семьей, надеясь воспользоваться оставленными дома саблей и револьвером. Но войдя во двор, он и здесь увидел махновцев. Петров вскочил в хату, но оружия уже не было. Красноармейца отвели на площадь и зверски убили [отрубили ноги и голову – А.Ш.].... Ворвались они и в квартиру к счетному работнику волысполкома Василию Ивановичу Шаповалову, который вовремя спрятался в сарае под сеном. Его искали и там, ширя в сено штыками и саблями, но к счастью не нашли, хотя и повредили на нем одежду. Над девушкой Ольгой Усатовой махновцы учинили расправу за то, что она торговала в магазине красной мануфактурой. Бандиты потребовали ключ от магазина, но она плюнула им в глаза и ключи не отдала. Ольгу схватили и, выведя на лед, отрубили ей голову⁶» [4]. Среди погибших в Белой также значатся бухгалтер волпродкома А.Абрамов, сотрудник заготконторы А.Я.Забашта и зав. волотделом наробраза Н.Я.Булгаков. Как вспоминает А.Ломакин,

6. Согласно А.Ломакину, «О.Усатову отпустили домой, там изнасиловали, потом замучили и ночью отвезли на реку и бросили с моста на лёд».

«Булгакова, сыны которого были коммунистами и находились в Красной Армии, зарубили прямо на площади. Его раздели до нательного белья и приказали бежать. Когда он удалился метров на 100, его догнали на лошади и шашкой сняли голову» [5]. Общее количество пострадавших в волости людей было указано в докладе председателя Беловского волысполкома Николаенко – ограблено 30 крестьян и совработников, убито 9 совработников, изнасиловано 10 женщин [ГАКО, ф. Р-717, оп. 1, д. 21, л. 300].

Ночью махновские дозоры обнаружили приближающиеся к Белой части летучего корпуса Нестеровича. Предупреждённые разведчиками, повстанцы заблаговременно покинули слободу и подошедшие на рассвете пехотные части летучего корпуса увидели только хвост уходящей из Белой колонны. Стрелки с одной батареей ударили по отступающим махновцам, однако сумели отбить лишь несколько саней с мукой, зерно-фуражом, мясом и сахаром, несколько пулеметов и уничтожить до трех десятков повстанцев. Батарея выпустила десятка полтора снарядов по уходящей колонне, но безрезультатно [7, 119].

Преследование осложнила испортившаяся погода, впрочем, поднявшаяся сильная метель сильно мешала и махновцам. По воспоминаниям мобилизованных повстанцами в качестве ездовых жителей Белой, «...поднялась страшная метель, усилился мороз. Ветер гнал и метал тучи снега. Это затрудняло движение. Бандиты то и дело останавливались, определяя направление. По дороге выбрасывали из саней трупы своих вояк, которые болели тифом и замерзали в пути» [5].

Подводя итоги пребывания повстанцев в своем уезде, руководство Суджанского уисполкома сообщало Курскому Губревтрибуналу, что «налету махновцев подверглись некоторые селения Замостьянской, Уланковской и Беловской волостей, а также и расположенные на их территории совхозы (Гуевский и Мало-Солдатский) и склады заготконторы № 28 [сл. Белая – А.Ш.]. Ввиду недолгого пребывания банды на территории уезда, окончательному разгрому не подверглось ни одно государственное учреждение. Бандиты грабили, что им нужно было, не задерживаясь долго на одном месте, зная, что по их следам идет дивизия, которой было поручено преследование махновцев. Из приложенных при сем документов видно, что внимание банды было обращено на лошадей (совхозы) и разграбление нескольких тысяч пудов хлеба из Заготконторы № 28. В разграблении принимало участие и местное население. Банда Махно при проходе через территорию Суджанского уезда проявила исключительно грабительские наклонности, относясь совершенно одинаково к общенародному, государственному достоянию и имуществу, так и частных лиц. Конечно, бандиты

отличались особенно неприязненным отношением к партийным, ответственным и всем тем работникам, которые зарекомендовали себя энергичными и деятельными» [ГАКО, ф. Р-717, оп. 1, д. 21, л. 294].

Деморализацией суджанских властей поспешили воспользоваться и местные повстанцы, совершившие ряд успешных вылазок. «Небольшие местные банды в это время появлялись также в сёлах Гоптаровка, Кондратовка, Илэк. В Ильке, например, бандиты совершили налёт на помещение сельсовета. Убили секретаря Касьяненко, ограбили кассу, увели лошадей» [5].

Покинув Белую, махновцы перешли в соседний Обоянский уезд и заняли сл.Пены. Вечером 22 января Пены были освобождены кавалеристами В.С.Нестеровича, отправившего телеграмму М.В.Фрунзе: «Копия Переговоров Курск Арнольдov Копия Губвоенкому Копия Курскгубчека По прямому проводу Главнокомандующему Украины тов. Фрунзе 22 янв. 21 час. 10 мин. Слобода Пены Данному что банды Махно собирая по дороге всех лошадей к гор.Обоянь. В бою у деревни Белое 23 янв. отбита часть обоза банд. Ввиду того что преследование ведется на тех же лошадях, на которых вышли из Екатеринославской губернии, я лишен возможности производить обходные движения и приходится ограничиваться ударами по хвосту банд. Ввиду отсутствия кавалер. нач-ков и полной бездарности имеющихся, конница неоднократно не выполняет боевых задач слабо и не точно выполняются задания разведки... К настоящему часу банды двинули на Верхопень 30 в. от Обояни, часть вверенного мне корпуса двинули на [название нечетко – А.Ш.] и Верхопень, часть корпуса 2 часа 23 января переходит в Новенькое. По движению бронированных поездов линии ст.Возовое – Белгород – Прохоровка...прошу взять под особый контроль...Кроме того прошу о движении войсковых частей гор Короча, Белгорода в район ст.Беленихино дер. Драгунское дер.Берлозка [название нечетко – А.Ш.] сев Белгорода Комкорп Нестерович Военком Кранхин Начштаба Пашков» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 577, л. 17].

Впрочем, отступление основной части повстанцев под натиском кавкорпуса Нестеровича еще не означало полного очищения района от махновских отрядов. В этом смог лично убедиться заведующий Обоянским Политбюро Дроздов, который находился в Пенах одновременно с Нестеровичем, но задержался здесь до утра. 23 января в 8 часов утра, когда Дроздов уже собирался выезжать из Пен со своим отрядом, он увидел в окно, «как в село въехали полным карьером какие-то кавалеристы с красным флагом. Дроздов выслал мальчика узнать, «что за верховые». Мальчик вернулся и сообщил, что они рубят телеграфные столбы и рвут проволоку. Дроздов и с ним один милиционер ушли через огороды и спрятались в

клубе. Через два часа махновцы выехали из Пен на Богатое» [2, 10].

Вероятно, повторный налет на Пены был совершен повстанцами, догонявшими свои основные силы и маскировавшимися под красноармейцев. Жертвами налета стали «волостной комиссар, председатель волисполкома, инструктор укома ВКП(б), политком 23 дивизии, в отпуску у родственников, 6 красноармейцев и совслужащих [погибли также 4 милиционера, высланных вместе с Дроздовым к границе Суджанского уезда – А.Ш.]. Складов не тронули, вероятно, из-за отсутствия свободного времени. На другой день Дроздов по следам махновцев поехал в с.Богатое, по пути к нему присоединилось 8 бойцов разгромленного махновцами продотряда. Состоявшее из 17 человек при одном пулемете подразделение шло из с.Драгунского⁷ в Ивню, по дороге наткнулось на махновцев, в результате чего было потеряно 8 человек, трупы которых были подобраны Дроздовым. В Богатом зав. Политбюро нашел 9 зарубленных сотрудников волостного военного комиссариата, двух волостных милиционеров, нескольких агентов продкома и совслужащих. Из продкладов повстанцами было вывезено 3000 пудов хлеба. Разрешали брать местным, но те отказались» [2, 11-12].

В Верхопень повстанцами были убиты 6 милиционеров, народный судья, учитель, красноармейцы и совработники. Оставив в селе авангард, основные силы махновцев расположились на отдых в районе сел Сырцово и Березовское, откуда отдельные отряды совершили несколько набегов на близлежащие селения. В 6 часов утра 23 января повстанцы покинули Верхопень, в 9 часов прошли с.Лучки; у с.Тетеревино (10 в. севернее от с.Гостицево) разобрали железнодорожный путь для предотвращения подхода бронепоезда, захватили железнодорожную станцию Сажное и расположились на ночлег в селах Оскочное, Олешанец, Казачье и Заячье. По М.Рыбакову, из-за покрывших пути снежных заносов высотой свыше двух аршинов (около 1,5 м), бронепоезд опоздал к месту прохода повстанцев всего на один час. Ещё несколько бронепоездов (№ 45, 18 и 97) застряло в пути, а снегоочиститель сошел с рельс и не мог оказать им помощь [7, 120].

Несмотря на полную неэффективность действий бронепоездов на курских железных дорогах, работа их экипажей получила высокую оценку своего командования. Об этом свидетельствует следующая справка: «Дано сие командиру бронелетучки 100-й бригады т. Кукулдава Рожден в том, что во время участия указанной бронелетучки против банд Махно на линии жел. дор. Курск-

7. Скорее всего, имеется в виду д. Драгунка совр. Ивнянско-го р-на Белгородской обл.

Белгород, Белгород-Волчанск командир, комсостав и команда указанной бронелетучки проявили максимум энергии и работоспособности, точно и аккуратно выполняя данные им задачи, за что и объявляю благодарность». В верхнем левом углу штамп: «РСФСР Революционный военный совет Республики. Начальник броневых частей. 28 января 1921 года №0171/оп». Внизу круглая гербовая печать, подписи начвоенкома маневренной группы бронепоездов и начальника штаба [6].

Отсутствие в губернии крупных сил для организации эффективных заслонов и навязанная махновцами маневренная война привела к тому, что представители Советской власти в подвергшихся ударам повстанцев курских уездах оказались брошены на произвол судьбы. Тем самоотверженной были действия этих людей, шедших по следам махновцев, докладывавших об их передвижениях и устанавливавших заградпосты, на которых задерживали, допрашивали, а нередко и уничтожали подозрительных людей. Так, на одном из таких постов была расстреляна женщина, у которой оказалась повстанческая печать, парики и другие предметы «компрометирующего» характера. Выявление махновских разведчиков осложнялось ещё и тем, что большинство используемых ими документов были подлинными, т.к. попадали в руки повстанцев от убитых или ограбленных ими людей. Так, Обоянское Политбюро предупреждало, что с целью шпионажа на территории Грайворонского уезда махновцы использовали партбилеты убитых ими обоянских коммунистов: Зюбанова, Алексина, Чернышева, Машлакова, Боева, Шатохина, Шурутина, Харютченко и Акулина [2, 10,14].

Впрочем, перевоплощение применялось повстанцами не только для одиночных агентов. По свидетельству С.Е.Волкова, «махновцы, въезжая в деревни с красными флагами, выдавали себя за буденцовцев. Были случаи, когда они спрашивали: «Нет ли у вас коммунистов, милиции и протрядов. Просим собрать их для совещания», и кто собирался, всех рубили, предварительно раздев донага» [2, 13]. Как правило, своих жертв махновцы умерщвляли самым жестоким образом. Им отрубали подбородки, штыками или шашками наносили по десятку ран, распарывали животы, выкалывали глаза, перерезали горло, отрубали пальцы, ноги и головы.

Возможно, факты умерщвления пленных холодным оружием могут быть объяснены не только ненавистью махновцев к большевикам и представителям Советской власти, но, в ряде случаев, элементарной нехваткой у них боеприпасов, особенно патронов. Об этом свидетельствуют и очевидцы тех событий, например, исполнявший в то время обязанности зав. агитационно-пропагандистского отдела Обоянского укома А.А.Сагайдак. Он вспоминал,

что «у махновцев и Красной кавалерии не было боеприпасов и все сражения проходили холодным оружием, т.е. клинками и пиками» [8, 76].

В виду своей малочисленности, плохой вооруженности, а также внезапности появления махновских отрядов, местные коммунисты, милиционеры и совслужащие оказывались не в состоянии противостоять налетавшим на населенные пункты бандам и уничтожались практически поголовно. Лишь изредка, благодаря счастливому стечению обстоятельств, попавшие в руки бандитов люди оставались живы. Так, например, было в с.Верхопенье, где махновцы убили 6 милиционеров во главе с начальником милиции Алтуниным и делопроизводителем Белецким. «Милиционер Трусов видел эту расправу бандитов, находясь в это время в общежитие, приготовился к сопротивлению, и когда бандиты стали входить в помещение, он начал стрелять из нагана» [ГАКО, ф. Р-323, оп.1, д. 577, л. 40.]. Но все три патрона дали осечку и Трусова взяли в плен. Милиционера раздели, разули и повели во двор, чтобы зарубить, однако «т. Трусов, будучи бос, порешил сопротивляться, и, выбрав минуту, ударил одного из бандитов в грудь, последний упал на землю, тогда т.Трусов ударил близ стоящих бандитов, бросился бежать и скрылся» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 577, л. 40].

Наиболее полное описание действий повстанцев во время налетов сохранилось в материалах расследования обстоятельств их нападения на Юматовский государственный конный завод (Обоянский уезд). Согласно протоколу опроса, проведенного 5 февраля 1921 г. членом коллегии Обоянского земотдела Хабаровым, «22-го января около 9 ч. вечера в расположение завода неожиданно ворвался кав. отряд бандитов в кол-ве около 100 чел. Разбившись на части, [повстанцы – А.Ш.] одновременно грабили конюшни и кладовые, а часть около 30 ч. бросилась в помещение зав. [заведующего завода – А.Ш.] т.Харютченко. Ворвавшись в переднюю, занимаемую охранниками завода, бандиты забрали 7 винтовок, и под страхом смерти потребовали у ст. охр. т.Андрусова вести в квартиру т.Харютченко. Подойдя к двери спальни, они приказали Андрусову (позвать) его, предупредив, что с ним, с Андрусовым, никого нет. Только что собиравшийся лечь спать т. Харютченко, услышав оклик Андрусова и подозрительный шорох толпы около двери, быстро через кухню скрылся на чердак. Не дождавшись ответа, бандиты сорвали дверь с крючков и ворвались в спальню» [ГАКО, ф. Р-313, оп. 1, д. 1348, л. 7]. Обнаружив там его жену, махновцы «став по бокам и угрожая револьверами, потребовали указать, где укрывается ее муж. На ответ, что она не знает, бандиты, надругавшись над ней, начали разграблять ее комнату. Одна часть

забирала деньги, одежду и все другое имущество, а другая взяв ее...пошла разыскивать бежавшего из спальни мужа. Обнаружив его на чердаке, бандиты поручили стеречь ее часовому. Сделав папиросу, часовой поднялся по лестнице, чтобы закурить, оставив таким образом ее одну. Воспользовавшись отсутствием его, она, отбив доску, закрывающую окно, выскочила и убежала через сад, преследуемая бандой и выстрелами, и укрылась в ближайшей деревне, зарывшись в сене» [ГАКО, ф. Р-313. оп. 1, д. 1348, л. 6]. «Разграбив квартиру, причем забрав 340 000 р. денег, около 500 аршин мануфактуры, предназначенной к раздаче служащим и рабочим завода, и другое имущество, вошли на чердак, где и был обнаружен т.Харютченко, вооруженный револьвером и бомбою. Не допуская до себя [махновцев – А.Ш.], после долгих трех-четырёх часов сопротивления т.Харютченко сдал оружие, будучи ранее предупрежден бандитами, что дом его окружен пулеметами и бомбометами и если он Харютченко добровольно сдастся, ему ничего не будет. Одетый в фуфайку, в одних кальсонах, в валенки и шапку (последняя была сейчас же сорвана), т.Харютченко был снят с чердака и переведен в квартиру заведующего совхозом т.Голуба, от которого банда требовала 300 000 р. денег, на что т.Голуб отвечал, что деньги израсходованы, в доказательство чего предъявил документ. Затем бандиты произвели обыск, взяв 7 000 р. собственных денег и др. ... ценные вещи вышли из помещения и во время обыска бандиты допросили т.Голуба, что действительно ли т.Харютченко коммунист, а также и он Голуб, на что последний ответил, что сам не коммунист и про т.Харютченко ничего не знает. Было около 2 часов [ночи – А.Ш.], когда отряд бандитов уехал, собрав все награбленное, а также и т.Харютченко. 23 января около 8 часов утра в завод снова прибыл отряд в 6 человек, забрав еще 4 лошади и подушку, уехали по направлению Погореловки, при чем уезжая бандиты предупредили, что комиссар заведующий в селе Сырцово зарублен...Тело т.Харютченко, исколотое в живот с отрубленной почти головой и рассеченным вдоль лицом было перевезено его отцом домой и похоронено на местном кладбище [26 января в с.Дмитриевке Краснянской вол. – А.Ш.]». Подводя имущественные потери, комиссия сообщила: «Уведено с конюшни лучших племенных 9 жеребцов и 24 матки, взято 2 хомута парадных, 10 хомутов рабочих, 4 шлейки, 4 седелки, 6 уздечек, 2 шлейки английских, 1 пара возжей тесменных, 3 возжей простых, 3 веревки возовых, 4 рабочих дуги, 2 саней парадных и 4 саней простых. Забрали из кладовых продуктов: овса около 100 п., проса 50 п., пшеница 6 п., соли 35 п., мяса 10 п., керосина 35 п., яблок сушеных 16 п. Все канцелярские книги и документы по хозяйству уничтожены бандитами, а

чистую бумагу забрали с собой» [ГАКО, ф. Р-313, оп. 1, д. 1348, л. 6].

Согласно докладу члена Обоянского уисполкома Гурово от 30 января 1921 г., жертвами налётов стали «в Краснянской волости 7 чел., убиты бандой Махно в с.Сырцовой около 4-х ч. дня 22 янв. 21 г. и отправлены в Обоянь 6 чел.» [ГАКО, ф. Р-313, оп. 1, д. 1348, л. 5]. Жертвами махновцев стали также Самойлов Илья Петрович – бывший управляющий Юматовского совхоза, который, отстаивая имущество совхоза, лично застрелил четырех бандитов, после чего был убит сам; Плохих Александр из села Студенок, бывший работник Пенского Волвоенкомата; житель села Пеньков Михаил Васильевич и многие другие [3, 27]. Всего же в Обоянском уезде от рук махновцев погиб 51 человек [2, 13].

Вспоминая те дни, обоянский коммунист А.А.Сагайдак писал: «23 января 1921 года мы получили сведения, что по Обоянскому уезду промчали 12 000 ⁸ махновцев во главе с самим Махно, Петренко и Корниенко. Они свой путь усеяли сотнями трупов активистов советской власти; их преследовали кавалеристы под командованием т. Нестеровича, но у махновцев и Красной кавалерии не было боеприпасов и все сражения проходили холодным оружием, т.е. клинками и пиками. Убиты махновцами 59 активистов⁹, тоже порублены клинками. Характерно, что многие члены РКП(б) не были казнены, хотя они были в руках Махно. Так, фельдшер уездвоенкома – член РКП(б) был у себя дома в Верхопеньях и не сказал, что он коммунист, а сказал, что он фельдшер. Его заставили перевязывать раненную ногу Махно и отпустили. Упродкомиссар тов.Лобанов насильно заставил кулака обмолачивать хлеб и сдавать в продразверстку, был захвачен в доме кулака, куда пришли махновцы покупать¹⁰ и ускользнул из их рук, т.е. его спасли кулак и его сыновья, спрятав под соломой в клуней, а всех милиционеров, агентов Упродкома и прототрядовцев, избачей, председателей с/советов и членов с/советов уничтожили на месте без суда и следствия» [8, 76].

Несмотря на непрерывное преследование, махновцы находились в более выигрышном положении, чем преследующие их части корпуса Нестеровича, испытывавших острую нехватку в обмундировании, транспортных средствах и питании. Согласно М.Рыбакову, «красноармейцы двигались по голодному району. Четвертые сутки бойцы не имели горячей пищи, последние двое суток отсутствовал хлеб... На отдых приходилось

8. Количество махновцев преувеличено, по крайней мере, в 4 раза.

9. Вероятно, расхождение числа погибших обоянцев у С.Е.Волкова и А.А.Сагайдака объясняется тем, что последний писал свои воспоминания в 1967 г.

10. Обратите внимание – махновцы покупают (!!!) у местного жителя необходимые им припасы.

занимать небольшие села; кроме того, обстановка требовала скученного расположения, до 30 человек в доме, т.е. ни отдыха, ни пищи не было. Район был безлошадный, поэтому средства передвижения не могли быть сменены. Ежедневные наступления по глубокому снегу, без дорог, через овраги и изгороди окончательно дорвали обмундирование бойцов и привели в совершенную негодность остатки обуви. Начались мелкие обмораживания ног, которые бойцы завертывали в разные тряпки, связывая их веревками» [7, 120].

Однако военное руководство настаивало на продолжении преследования. В приказе от 23 января М.В.Фрунзе требовал: «Отряд Махно, преследуемый нашими войсками на протяжении свыше тысячи верст, заметно ослаб... Показания пленных и перебежчиков говорят о большом недостатке вооружения и огнеприпасов. Задача войск, преследующих Махно, остается прежняя – гнать Махно до полного изнеможения, дабы окончательно покончить с главным повстанцем Украины» [1, 537]. В ответ на это комкорпуса В.С.Нестерович возбудил перед командованием ходатайство о даче отдыха его частям, указывая на чрезвычайное переутомление людей, почти полное отсутствие обуви, окончательную усталость лошадей, особенно в артиллерии, и сокращение личного состава кавалерии до 350 сабель. В ответной телеграмме №121 (сек.) от 24 января М.В.Фрунзе отвечал, что им вполне учитывается состояние частей корпуса и необходимость дать им отдых. Но в данный момент отдых невозможен, т.к. задача близка к решению: «Напрягите последние усилия: смена готовится на линии Купянск-Беловодск частями 2-й кавдивизии, для чего необходимо отбросить Махно на юг, где организуется встречный заслон». Так же комюжфронта высказывалась уверенность в том, что после героического перехода задача будет закончена блестяще [7, 121].

Пока шли эти переговоры, махновцы утром 24 января прошли через с.Алексеевку (разбито 3 телефонных аппарата, убиты нарсудья 5-го участка И.Ф.Процепко и находящийся в кратковременном отпуске красноармеец Ф.Г.Процепко [ГАКО, ф. Р-313, оп. 1, д. 1348, л. 9]), сл.Пригородную (в волисполкоме разбит 1 телефонный аппарат) и подошли к г.Короче (совр. Белгородская обл.). Здесь в Повстанческую армию влились укрывавшиеся в окрестных лесах остатки чередняковцев¹¹ [1, 537].

Уездный отдел Управления НКВД докладывал в Курск, что «с приближением банд к городу усилилась паника среди населения и служащих... Имелись сведения, что банды Махно при вступлении

в город раздадут населению всю собранную разверстку, потому вечером 23 января в городе стали появляться крестьяне окольных слобод и хуторов с намерением разобрать хлеб, но благодаря присутствию войсковых частей местного гарнизона хлеб и продукты уцелели» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 3, д. 8, л. 58]. Однако учитывая силы противника, а также неспособность местного гарнизона ввиду его малочисленности и плохой вооруженности оказать махновцам серьезное сопротивление, председатель Корочанского уисполкома Соломенцев отдал распоряжение «погрузить канцелярию отделов уисполкома и другое ценное имущество и в [8.30] часов 24 января утром...выехать по направлению с.Большое Яблоново – Старый Оскол» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 577, л. 6]. Гарнизон и возглавляемый Соломенцевым штаб покинул Корочу в 10 часов утра, а еще через полчаса город был занят подошедшими с двух сторон колоннами повстанцев.

В.Ф.Белаш вспоминал, что «в городе имелся большой запас продовольствия. Двери складов были открыты для всего населения, расхитившего их содержимое. Будучи недовольно советским режимом, сельское и городское население было активным» [1, 537]. Больше всего от активности погромщиков пострадали партийные и советские учреждения, полному опустошению подверглись склады заготконторы № 18, где хранилось собранное с населения волости продовольствие и припасы [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 577, л. 7-8]. Жертвами махновцев стали агент кожевенного отдела А.Молибога, агент продкома П.Бондарев, счетовод продкома Ф.И.Рябцев, красноармеец Г.Шевцов, переписчик Г.Суполип и служащий уездного военкомата Г.А.Климов [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 577, л. 9].

Корочанцы достаточно спокойно отнеслись к погрому советских учреждений и даже принимали участие в их разграблении, однако когда командир Крымского полка Харлашка и повстанец Савонов ограбили местную церковь, «население по этому случаю начало на махновцев роптать. Об этом узнал штаб [штаб Повстанческой Армии – А.Ш.] и дело передал на расследование комиссии антимахновских дел. Зная суровость наказания, они спровоцировали полк, и когда армия выходила из города, они самовольно повернули на юг. Вскоре, пройдя Купянский район, они достигли Изюмского уезда, в котором и остались оперировать» [1, 537].

Помимо дезертировавшего Крымского полка, Совет Революционных Повстанцев Украины простился в Короче с активными махновцами Аршиновым-Мариным¹² и Рывкиным, «выбывшими

11. Чередняк – крестьянин Волчанского уезда Харьковской губернии. Анархист (с 1917 г.), командир отряда. С 1919 г. активный махновец, командир Екатеринославского пехотного полка и группы.

12. Марин Петр Андреевич (Аршинов) – анархист-террорист. С 1919 г. примкнул к Н.И.Махно, редактирует «Путь к свободе», «Повстанец» и др. В 1920 г., сентябре - феврале 1921 г. зав. культурно-просветительным отделом. В эмиграции

из армии по мотивам налаживания подпольной работы в Харькове и собирания материалов по истории махновского движения, решившими вступить в контакт с Антоновым» [1, 537].

Четверо суток Короча находилась во власти повстанцев. Лишь 27 января к ней подошли части летучего корпуса и махновцы покинули город, при этом чередняковцы не последовали за Н.И.Махно, а «вновь ушли в леса, не желая выходить из района» [1, 537]. Интересно отметить, что М.Рыбаков в своей статье совсем не упоминает о пребывании здесь махновцев в течение нескольких суток. Вместо этого он сообщает, что уже 24 января части корпуса захватили город после двухчасового боя. Однако ниже указывается, что 25 января в 2 ч. 45 мин. Нестерович со ст.Гостищево отдает приказ №225/оп. в котором предполагает, что банда Махно занимает г.Корочу, приказывает окружить её со всех сторон и атаковать город [7, 121]. Исправляя несоответствие, М.Рыбаков сознательно датирует произошедшие 27 и 28 января действия на двое суток раньше. Факт смещения подтверждается отчётами и докладами уездных руководителей, датированных концом января – февралём 1921 г.

Сразу же после освобождения, вернувшийся из Чернянки Корочанский уисполком «приступил к исполнению своих обязанностей и выяснению как павших жертв, так и разграбленного имущества. Был объявлен приказ о добровольной сдаче всего имущества, разграбленного при Махно, в 48 часов, после чего были произведены обыски, каковые по донесениям на лиц, кои участвовали в разграблении складов, продолжают и до сих пор. Обыски производятся продотрядом и Политбюро. При нашествии махновской банды на Корочанский уезд убито 18 чел., ранено 2, увезена командированная на продроботу учительница Попова» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 577, л. 6, 9]. Беспokoили местное руководство и оставшиеся на территории уезда мелкие банды, отставшие от основных сил повстанцев. 1 февраля 1921 г. председатель Корочанского уисполкома Соломенцев сообщал в Курск, что «после прихода банд Махно через Корочу и уезд банды разсыпались по уезду, из каковых несколько поймано. Отобраны воззвания, коими они призывают население к избиению комиссаров» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д.577, л. 24].

Практически беспрепятственное шествие Махно по курским уездам вызывало серьезную обеспокоенность у их руководителей, и состояние, близкое к панике, среди гражданского населения. Об этом красноречиво свидетельствует факт введения военного положения в Тимском уезде, находящемся достаточно далеко от основного театра событий. В приказе № 5 от 26 января 1921 г. Тимский уисполком написал книгу «История махновского движения».

сообщал населению уезда: «§ 1. Президиум Тимского Уездного Исполнительного Комитета с настоящего числа объявляет город Тим и уезд НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ; § 2. Всему населению города и его уезда предлагается к настоящему положению относиться спокойно, не волноваться, не выдумывать небылиц и не верить ложным слухам, а наоборот, лиц подозрительных или же распространяющих ложные слухи или панику немедленно же задерживать и арестованных доставлять в Тимуисполком; § 3. С объявлением настоящего приказа вся власть административная, военная и гражданская переходит в распоряжение Президиума Тимуисполкома; § 4. Все воинские части, находящиеся в городе и уезде, как то: продотряды, конная и пешая советская уездная и районная милиции, а также и лесная переходят с настоящего числа в распоряжение Начальника Гарнизона гор. Тима; § 5. Начальнику гарнизона гор.Тима приказывается немедленно же создать оперативный штаб, назначить по городу караулы и патрули и строго следить за положением и спокойствием в городе. О деятельности оперативного штаба, а также о состоянии и положении города и уезда ежедневно доносить Президиуму Уисполкома, в экстренных же случаях доносить немедленно о всем случившемся не промедляя ни минуты; § 6. Всем Волисполкомам и Сельсоветам наблюдать за революционным порядком на местах, строго следить за подозрительными лицами и в случае обнаружения чего либо контрреволюционного немедленно же арестовывать и доставлять в Уисполком, а также не терять связи с оперштабом и обо всем случившемся немедленно доносить; § 7. Настоящий приказ входит в силу с момента его издания. Председатель Уисполкома Поветкин, Товарищ председателя Свищенков, Секретарь Медведев» [ГАКО, ф. Р-483, оп. 1, д. 35, л. 7].

Однако, выйдя из Корочи, отряды Повстанческой армии не повернули на север, а продолжили свое движение в восточном направлении в сторону сл.Слоновка. Тогда же налету махновцев подвергся и Новый Оскол, возможно ставший жертвой одного из отрядов, рыскавших в стороне от движения основных сил повстанцев¹³. Налетчики разгромили помещения волисполкома, уничтожили все делопроизводство, разбили кассу, выбили все окна, разбили один телефонный аппарат, срезали 4 телеграфных столба и оборвали 12 пролетов провода. Был убит зав. волземотделом т.Лапин [фамилия напечатана нечетко – А.Ш.], у которого забрали 700 000 казенных рублей, с 102 700 казенными рублями попал в плен предволисполкома тов.Гусев. На территории волости погибли посланные в разведку милиционеры Павленко, Лиманский, Кидапов и Немыкин, возвращающиеся из служебной командировки со ст.Прохоровка сотрудники уземотдела Н.И.Шевцов

13. Так же, как и пребывание махновцев в Короче, М.Рыбаков не упоминает разгром Н.Оскола в своей публикации.

и Я.Г.Лудченко, находящийся при производстве следствия следователь убоюсто т.Решетников и студент Петроградского Технологического института Шеховцов, ранены помнач милиции 2-го района Маслов и милиционер Щерблякин [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 577, л. 7 об, 9]. Последним населенным пунктом Курского края, занятым махновцами, стало с. Николаевка, пройдя которое повстанцы пересекли границу Воронежской губернии у сл. Лутовиновки¹⁴ и заночевали в с. Успенском [7, 122].

Подводя итоги кратковременного пребывания Повстанческой Армии на территории Курской губернии, начальник губмилиции отмечал в секретном докладе: «Среди милиционеров после ухода банды был упадок духа и даже нежелание служить в милиции... Население настроено анархически, общее нежелание подчиняться местным властям, производится усиленная самовольная порубка лесов и не выполняются всякого рода наряды. Меры к устранению беспорядков приняты. Высылается конная милиция для ведения борьбы против элементов, не желающих подчиниться власти» [ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 577, л. 39-40].

Успешное продвижение Повстанческой армии было остановлено уже после того, как они покинули пределы Курской губернии. Практически достигнув охваченной пламенем «антоновщины»¹⁵ Тамбовщины, 1 – 3 февраля 1921 г. махновцы были разбиты в ожесточенных боях под Ровенками, Каменкой и Морозовкой (Воронежская губ.) красными войсками и отброшены обратно на Украину. Еще полгода после курского рейда «батька» метался по Украине, пока с горсткой оставшихся в живых соратников не форсировал Днестр и не нашел убежища на территории Румынского королевства. Из Румынии Н.И.Махно перебрался в Польшу, откуда в 1926 г. с семьей переехал в Париж, где и умер от туберкулеза в 1934 г.

Ссылки

1. Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно – Киев, 1993.
2. Волков С.Е. Банда Махно в Курской губернии. – Курск, 1929.
3. Воспоминания старых большевиков, живших и работавших в бывшем Обоянском уезде Курской губернии. – Курск, 1967 (рукопись).
4. Комягин Н. Налет на Белую // Колхозная правда. – 1972. – 23 декабря.
5. Ломакин А. Революционные годы на Беловской земле // Колхозная правда. – 1977. – 27 октября, 1 ноября.
6. Роцин В., Ефремова Л. Старые бойцы встречаются вновь
14. У М.Рыбакова – Литвиново.
15. Антонов Александр Степанович (1889 – 1922). Руководитель восстания тамбовских и, частично, воронежских крестьян, недовольных продрозверсткой 1920-1921 гг. Погиб в перестрелке с сотрудниками ЧК 24 июня 1922 г. (Подробнее о А.С. Антонове и «Антоновщине» см.: Самошкин В.В. Антоновское восстание. – М., 2005).

// Курская правда. – 1957 – 17 августа.

7. Рыбаков М. Действия летучего корпуса тов. Нестеревича // Сборник трудов военно-научного общества при Военной академии. Кн.4. – М., 1923.

8. Сагайдак А. А. Мемуары о Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года и Гражданской войне 1918-1920 гг. – Курск, 1967 (рукопись).

Кондрашов В.Ф.

*Миколайівський державний
університет ім.В.Сухомлинського*

НАУКОВІ СТУДІЇ А.Г.ЄРШОВА З ІСТОРІЇ ЧЕРНІГІВЩИНИ XVII-XVIII ст.

Творча діяльність співробітника науково-дослідницької кафедри історії культури і мови при Ніжинському інституті народної освіти Анатолія Григоровича Єршова (1897-1938) припала на 20-ті роки ХХ ст. – переломну добу в розвитку української історичної науки. Вже у своїй кандидатській праці «Міста і містечка Лівобережної України по «Топографічному опису Чернігівського намісництва» О.Шафонського», захищеній в 1922 р., він виявив здібності до наукової роботи. Дослідженням ніжинського ученого притаманні творча манера, використання широкої джерельної бази, аргументованість і чіткість висновків. Більшість його праць і нині не втратила наукової актуальності. Свого часу академік К.В.Харлампович, рецензуючи роботи М.Н.Петровського і А.Г.Єршова, вказував, що українська історіографія «...в особі молодих двох ніжинських учених зробила вже значне придбання» [7, 148].

До творчого доробку А.Г.Єршова належать розвідки, присвячені козацьким літописам XVIII ст., грошовому обігу і цінам в Україні XVII -XVIII ст., рецензії, але центральне місце серед них займають дослідження історії цехів на Лівобережжі XVII-XVIII ст. Цій проблемі була присвячена промоційна праця, успішно захищена 25 жовтня 1925 р. на засіданні науково-дослідницької кафедри історії культури і мови при Ніжинському інституті народної освіти, а також наукові розвідки.

Аналізуючи обставини виникнення цехів, дослідник вказував, що акти на їх затвердження «...видавалися іноді польським королем, частіше магнатами чи їх управниками; після Хмельниччини їх стали видавати гетьмани, частіше полковники, іноді навіть сотники; видавались подібні акти й приватними власниками. Мали право утворювати